

УДК 911.3:711.4

Бадов А.Д. [Badov A.D.]

ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ ПРЕСТУПНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Features of geography of crime in the North Caucasus in the modern period

В статье рассматриваются особенности криминальной ситуации в Северо-Кавказском экономическом районе. Выявляются и анализируются показатели общей преступности, преступлений против личности, экономических преступлений и преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Выявлены географические факторы преступности. Показано, что на Северном Кавказе регистрируется существенная территориальная дифференциация общей преступности, убийств и покушений на убийство, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований и покушений на изнасилования, грабежей, краж, разбоев, преступлений в сфере экономической деятельности, наркопреступлений. Приведены сравнения с общероссийской ситуацией. Рассчитана доля отдельных видов преступлений в общей структуре противоправных деяний. Определены темпы динамики отдельных видов преступлений. Выявлены существенные изменения в структуре потребления наркотиков. Одним из «нарколидеров» района является Северная Осетия, через которую проходят основные наркотрафики из-за рубежа в Российскую Федерацию. Определены основные направления оптимизации ситуации. Повышение уровня жизни населения, снижение числа безработных могут существенно снизить уровень преступности и количество терактов. Необходимо обратить особое внимание и на снижение латентности преступлений в регионе.

The article discusses the features of the criminal situation in the North Caucasus economic region, identifies and analyzes the indicators of total crime, violent crimes, economic crimes and crimes in the sphere of drug trafficking. Geographical factors of crimes are identified. It was found that the North Caucasus has a substantial territorial differentiation of total crime, murders and attempted murders, intentional infliction of grievous bodily harm, rape and attempted rape, robberies, thefts, robberies, crimes in the sphere of economic activity, drug-related crimes. Comparisons with the all-Russian situation are given. Percentage of certain types of crimes in the overall structure of wrongful acts were calculated. Dynamics of certain types of crimes were determined. Significant changes in the structure of drug consumption were revealed. One of the drug leaders is the North Ossetia region, which straddles major drug trafficking from abroad to the Russian Federation. The main directions of optimization of the situation were determined. Raising living standards, reducing the number of unemployed can significantly reduce the crime rate and the number of terrorist attacks. It is necessary to pay special attention to the reduction of latency of crimes in the region.

Ключевые слова: Северный Кавказ, преступность, коэффициенты, наркопреступность, регионы, убийства, грабежи, разбои.

Key words: North Caucasus, criminality, factors, drug crime, regions, murders, robberies.

Введение

Преступность, как одно из отрицательных социальных явлений, всегда привлекала внимание ученых и специалистов различных направлений. Это связано с ее огромным влиянием на все стороны жизни че-

ловека. По самым скромным подсчетам, ежегодные издержки федерального бюджета достигают 10%, отвлекается более 8% экономически активного населения. Значительные размеры территории нашей страны, существенная территориальная дифференциация уровня преступности, разнообразие криминологических факторов и т. д. вызвали потребность развития географии преступности (геокриминологии) в нашей стране, которая исследует взаимосвязи между географическими условиями, уровнем, характером и территориальными закономерностями изменения преступности [1: 6].

Географическое изучение преступности в нашей стране тем более актуально в настоящее время, когда в условиях снижения общих показателей преступности, увеличивается доля тяжких и особо тяжких преступлений и усиливается территориальная дифференциация уровня преступности.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой статьи послужили исследования ученых, как в области географии, так и в области криминологии. Были использованы общенаучные и социально-географические методы исследований: сравнительно-географический, пространственного анализа, экономико-географический анализ, исторический, литературный, геоситуационный, системно-структурный, программно-целевой, нормативно-правовой и др. Фактологической основой явились статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели».

Для исследования общего уровня преступности чаще всего применяют общий коэффициент преступности (ОКП) – отношение числа преступлений за год на 1000 жителей к среднегодовой численности всего населения [2, 3, 5].

Результаты и их обсуждение

Судя по официальной статистике, уровень преступности в России и большинстве ее регионов постоянно снижается. Так ОКП в России за 2005–2014 гг. снизился в 1,6 раза, что весьма существенно учитывая общемировую тенденцию к увеличению уровня преступности. Снижение уровня преступности в нашей стране можно объяснить резким изменением социально-экономических и политических условий в нашей стране.

На Северном Кавказе темпы снижения были не такими высокими и это можно объяснить «низкой стартовой площадкой» северокавказских регионов. Так в большинстве республик СКЭР ОКП в 2005 г. был в несколько раз (!) ниже, чем в целом по России. Причины подобного феномена были подробно описаны в работе А.Д.Бадова «География преступности в России в постсоветский период» [2]. Тем не менее, и в 2014 г. ОКП регионов СКЭР был существенно ниже аналогичного среднероссийского показателя. Так ОКП России в целом в 2014 г. составлял 15,37‰, а СКЭР – 9,56‰ (табл. 1). В пределах СКЭР наблюдалась существенная территориальная дифференциация в пока-

зателях ОКП. По данным за 2014 г. регионы Северного Кавказа можно разделить на: 1) регионы с высоким уровнем ОКП (более 11 ‰, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область); 2) регионы со средним ОКП (8–11‰, Кабардино-Балкария, Адыгея, Северная Осетия); 3) регионы с низким ОКП (5–7,9‰, Карачаево-Черкесия); 4) регионы с очень низким ОКП (менее 5‰, Дагестан, Ингушетия, Чечня).

Однако чаще всего ОКП дает неполное представление о складывающейся ситуации. Это связано со сложной структурой преступлений. При этом в одних регионах больше совершается тяжких преступлений, убийств и покушений на убийства, изнасилований и т.д.; в других регионах больше совершается экономических преступлений. На уровень и структуру преступлений оказывают разнонаправленное влияние многие факторы, которые также необходимо учитывать [6, 7, 8, 9, 11].

В связи с этим весьма часто применяют другие показатели. Например, коэффициент убийств и покушений на убийство (K_y).

В целом по Северному Кавказу K_y в 1,5 раза был ниже среднероссийского показателя. Самые низкие показатели были зафиксированы в Краснодарском крае (0,02‰). Ниже среднесеверокавказского уровня (0,06‰) были показатели Чечни (0,04‰), Адыгеи, Ингушетии и Кабардино-Балкарии (0,05‰). На этом фоне резко выделялись Карачаево-Черкесия (0,12‰) и Дагестан (0,08‰).

В целом по России в 2014 г. были весьма высокими коэффициенты умышленного причинения тяжкого вреда здоровью ($K_{вз}$, 0,24‰). В Северо-Кавказском регионе эти коэффициенты были более чем в два раза ниже (0,11‰). Различия $K_{вз}$ России и Северного Кавказа наблюдались и в 1990–2003 гг., хотя были и не столь существенными [2: 79, 234]. В пределах СКЭР также наблюдались существенные различия в показателях $K_{вз}$. Однако следует заметить, что ни один регион Северного Кавказа не превысил среднероссийский показатель. В целом по показателям $K_{вз}$ регионы Северного Кавказа можно подразделить на:

- 1) регионы с высоким $K_{вз}$ (0,13‰ и более, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края);
- 2) регионы со средним $K_{вз}$ (0,09–12,9‰, Адыгея, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия);
- 3) регионы с низким $K_{вз}$ (менее 0,09 ‰, Дагестан, Ингушетия, Чечня). Данное распределение регионов почти соответствовало распределению в 1990–2003 гг. Исключение – Республика Адыгея, которая в предыдущий период была бесспорным лидером в регионе [2: 179, 5].

Традиционно изнасилования на Северном Кавказе случались значительно реже, чем в целом по России. Однако в последнее время ситуация стала постепенно меняться и в таких регионах как Карачаево-Черкесия (0,04 %) и Ставропольский край (0,03 %) уже догнали и даже перегнали Россию в целом (0,03 %). В Ингушетии в 2014 г. изнасилований не отмечалось вообще. Весьма низкие показатели наблюдались в Адыгее, Северной Осетии и Чечне (0,01 %). В целом можно констатировать повсеместное снижение $K_{и}$ по сравнению с 1990–2003 гг. [2: 305–306].

Таблица 1. ЧИСЛО ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕРШЕННЫХ В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 2014 г., ед.

	Всего	Уб.	УПТВЗ	Изн.	Граб.	Раз.	Кр.	Эк.	Нарк.	Др.
РФ	12361	34786	4246	92069	16416	922562	10164	231462		
СК	242300	1238	2253	390	5940	1311	72294	11617	24031	
Краснодарский край	63100	351	823	106	1620	338	26098	2732	8263	
Ставропольский край	33800	180	389	74	932	222	11573	2884	3635	
Ростовская область	51800	238	681	86	2641	443	25627	2316	5007	
Адыгея	4000	21	55	7	86	17	1351	282	375	
Дагестан	14000	228	140	50	238	120	2412	1016	2635	
Ингушетия	1700	24	9	–	8	9	172	353	433	
Кабардино-Балкария	8700	42	91	29	207	89	2569	544	1094	
Карачаево-Черкесия	3600	60	41	18	70	15	913	527	533	
Северная Осетия	6000	40	68	9	113	32	978	776	1411	
Чечня	3600	54	16	11	25	26	601	187	655	

Источник:

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. Росстат. М., 2015. 1266 с.

Таблица 2. КОЭФФИЦИЕНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 2014 Г.

	Ко	Ку	Квз	Ки	Кг	Кр	Ккр	Кэ	Кн	Доля прест. несовершеннолетних
РФ	15,37	0,09	0,24	0,03	0,64	0,11	6,42	0,71	1,61	
СК	9,56	0,06	0,11	0,02	0,30	0,07	3,67	0,59	1,22	2,3
Краснодарский край	11,95	0,02	0,15	0,02	0,30	0,06	4,83	0,51	1,53	2,3
Ставропольский край	12,12	0,06	0,14	0,03	0,33	0,08	4,14	1,03	1,30	3,7
Ростовская область	12,19	0,06	0,16	0,02	0,62	0,10	6,03	0,54	1,18	3,6
Адыгея	8,88	0,05	0,12	0,01	0,19	0,04	3,03	0,63	0,84	4,8
Дагестан	4,74	0,08	0,04	0,02	0,08	0,04	0,81	0,34	0,88	2,0
Ингушетия	3,91	0,05	0,02	–	0,02	0,02	0,38	0,78	0,95	1,3
Кабардино-Балкария	10,09	0,05	0,11	0,03	0,24	0,10	2,99	0,63	1,27	2,5
Карачаево-Черкесия	7,76	0,12	0,09	0,04	0,15	0,03	1,95	1,12	1,13	5,8
Северная Осетия	8,57	0,06	0,10	0,01	0,16	0,04	1,39	1,10	2,00	1,7
Чечня	2,72	0,04	0,01	0,01	0,02	0,02	0,45	0,14	0,49	0,9

Источник:

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. Росстат.– М., 2015. 1266 с.

Коэффициенты грабежей (K_r) в 2014 г. снизились по сравнению с 2003 годом, а вот по сравнению с 1990 г. изменений практически не наблюдалось. В 2014 г. в целом по России K_r были в 2,1 раза выше, чем на Северном Кавказе. Это примерно столько же, сколько в 2003 г. и несколько более чем в 1990 г.

Таблица 3. ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЩЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 2014 Г.

	Всего	Уб.	УПТВЗ	Изн.	Граб.	Раз.	Кр.	Эк.	Нарк.	Др.
РФ										
СК	100	0,5	0,9	0,2	2,4	0,5	29,8	4,8	9,9	51,0
Краснодарский край	100	0,6	1,3	0,2	2,6	0,5	41,3	4,3	13,1	36,1
Ставропольский край	100	0,5	1,1	0,2	2,7	0,6	34,2	8,5	10,7	41,5
Ростовская область	100	0,5	1,3	0,2	5,1	0,8	49,5	4,5	9,7	32,4
Адыгея	100	0,5	1,4	0,2	2,1	0,4	33,8	7,1	9,4	45,1
Дагестан	100	1,6	1,0	0,4	1,7	0,9	17,2	7,2	18,8	51,2
Ингушетия	100	1,4	0,5	–	0,5	0,5	10,1	20,8	25,5	40,7
Кабардино-Балкария	100	0,5	1,0	0,3	2,4	1,0	29,5	6,2	12,5	46,6
Карачаево-Черкесия	100	1,7	1,1	0,5	1,9	0,4	25,4	14,6	14,8	39,6
Северная Осетия	100	0,7	1,1	0,1	1,9	0,5	16,3	12,9	23,5	43,0
Чечня	100	1,5	0,4	0,3	0,7	0,7	16,7	5,2	18,2	56,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. Росстат. М., 2015. 1266 с.

Внутри СКЭР абсолютным лидером 2014 г. была (как и в предыдущие годы) Ростовская область. Показатели этого региона (0,62‰) были почти равны среднероссийским коэффициентам (0,64‰). Другие регионы СКЭР существенно отставали (от 0,02‰ в Ингушетии до 0,30‰ в Ставропольском крае). В целом тренд увеличения коэффициентов грабежей направлен с юго-востока на северо-запад.

Практически аналогичная картина наблюдалась и с разбоями. С той разницей, что грабежи случались примерно в шесть раз чаще, чем разбои.

Кражей называют тайное хищение чужого имущества. При этом кражи являются самым массовым видом преступлений. Как правило, в общем чис-

ле преступлений против собственности, удельный вес краж колеблется в пределах 80%. Чаще всего выделяют квартирные кражи, кражи транспортных средств и карманные кражи [2: 82, 6]. Их соотношение стало меняться, так как доля квартирных краж стала неуклонно падать.

В 2014 г. коэффициенты краж (K_k) в РФ в целом были в 1,7 раза выше, чем в СКЭР. Внутри СКЭР наблюдается существенная территориальная дифференциация в показателях K_k . Как и в 1990 г. [2: 308, 6] «лидером» по K_k являлась Ростовская область (6,03). Высокие коэффициенты были также в Краснодарском крае (4,83). Близкие к среднерайонным (2,98) были показатели Ставропольского края (4,14), Адыгеи (3,03) и Кабардино-Балкарии (2,99). Сравнительно низкими были показатели Карачаево-Черкесии (1,95), Дагестана (0,81), Чечни (0,45), Северной Осетии (1,39) и Ингушетии (0,38).

Одними из самых распространенных являются экономические преступления, которые в России получили наибольший размах в 1990-х гг. – 71. Все преступления в сфере экономики подразделяются на три основные группы: преступления против собственности; преступления в сфере экономической деятельности; преступления против службы в коммерческих и иных организациях [2: 71].

Доля преступлений в сфере экономики в России непрерывно растет и уже вполне сопоставима с экономически развитыми странами.

Собственно к преступлениям в сфере экономики относят некоторые виды государственных преступлений, хозяйственные преступления, должностные преступления. Учет и контроль за этими видами преступлений до сих пор не устоялся – 85. Официальная статистика выделяет в настоящее время 13 видов экономических преступлений. Из них наибольший удельный вес имели статьи «Обман потребителей», «Присвоение или растрата», «Уклонение от налогов», «Коммерческий подкуп», «Злоупотребление полномочиями» и др. [2: 71].

Несмотря на рост доли преступлений в сфере экономической деятельности, коэффициенты (K) за 2000–2013 гг. в целом по России упали более чем в три раза. Аналогичная ситуация наблюдалась и на Северном Кавказе, с той лишь разницей, что K в СКЭР всегда были ниже, чем в целом по стране. Примечательно, что и в 2000 и в 2013 году «лидеры на Северном Кавказе были одни и те же – Ставропольский край, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия – 309. Самые низкие показатели наблюдались в Чечне и Дагестане (табл. 2).

Одними из наиболее опасных считаются наркопреступления. Как правило, эти правонарушения «тянут» за собой другие преступления. Это связано с тем, что весьма высокая цена наркотиков заставляет наркозависимых совершать кражи, грабежи, разбои и т. п. для того, чтобы добыть необходимые для приобретения наркотиков средства.

Число наркопреступлений в России до начала 2000-х гг. росло весьма высокими темпами [1]. Однако затем наблюдалась некоторая стабилизация

показателей, отмечаемая и на Северном Кавказе. Внутри СКЭР наблюдались существенные территориальные различия в показателях коэффициентов наркопреступлений ($K_{\text{нп}}$). Если в 2000 г. «лидером» региона был Краснодарский край, то в 2013 г. это была уже Северная Осетия. При этом $K_{\text{PCO-A}}$ был в 1,3 раза выше среднероссийского показателя. В целом по показателям K регионы Северного Кавказа можно подразделить на: 1) регионы с низким уровнем наркопреступлений (менее 1, Чечня, Адыгея, Ингушетия и Дагестан); 2) регионы со средним уровнем наркопреступлений (1–1,4, КЧР, Ростовская область, КБР, Ставропольский край); 3) регионы с высоким уровнем наркопреступлений (Северная Осетия, Краснодарский край).

За 1990–2015 гг. изменились не только показатели наркотизации населения. Так в Северной Осетии в середине 1990-х гг. до 80% потребления приходилось на производные конопли, в середине 2000-х гг. более 80% наркоманов употребляли ацелированный опий, около 15% – каннабиониды и около 5% – героин. Ацелированный опий вытеснил другие наркотики из-за легкости изготовления и дешевизны [1, 2: 105].

В настоящее время приоритеты вновь изменились: на марихуану приходится 81,3%, СДВ – 7,9%, героин – 7,2%, гашиш – 3%, синтетические НС – 0,3 и иные виды – 0,3% [12].

Возврат к «первоисточникам» (марихуане и гашишу) произошел благодаря вытеснению из оборота сырья для ацелированного опия – маковой соломки. Правоохранительные органы сумели также предотвратить распространение сильнодействующих веществ (СДВ – «Трамадол», «Лирика» и др.).

Выводы

Таким образом, в пределах Северо-Кавказского экономического района наблюдается существенная территориальная дифференциация в уровне преступности. Несмотря на снижение числа преступлений, достаточно тяжелая обстановка складывается в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Чечне, Дагестане и Ингушетии.

На Северном Кавказе весьма остро стоит проблема латентности преступлений. Особенно это касается республик Северного Кавказа. Видимо, именно с этим связано существенное различие между официальной статистикой и реальным положением дел. Таким образом, снижение латентности преступлений – одна из главных задач правоохранительных органов. С другой стороны, местные обычаи направлены на снижение преступности. Исключение – террористические акты, которые до сих пор распространены на Северном Кавказе. Они связаны, в большей мере, с бедностью населения и повальной безработицей. Повышение уровня жизни населения, снижение числа безработных могут существенно снизить уровень преступности и количество терактов.

Библиографический список

1. Бадов А.Д. География наркопреступности в России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. №3. 2008. М.: МГУ, 2008. С. 55–59.
2. Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 333 с.
3. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Региональные особенности преступности на Северном Кавказе в постсоветский период // Известия Русского географического общества. Том 141. Вып. 3. СПб: Наука, 2009. С. 70–76.
4. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Урбанизация и проблемы преступности // Экология урбанизированных территорий. №4. 2008. М.: Картон. С. 26–29.
5. Бадов А.Д. География преступности в России: изменения за постсоветский период // Вестник Московского университета. Серия 5. География. №2. 2009. М.: МГУ. С. 64–69.
6. Бадов А.Д. Геокриминогенное положение как фактор преступности // Известия РАН. Серия географическая. №2. 2009. М.: Наука. С. 48–51.
7. Белозеров В.С., Чихичин В.В., Глущенко И.В. Региональные особенности этнических миграций на Северном Кавказе // Наука. Инновации. Технологии. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2016. №1. С. 71–92.
8. Куташов В.А., Сахаров И.Е. Наркология. Клиника. Диагностика. Лечение. Воронеж: Изд-во ВГМУ. 2016. 982 с.
9. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 199. 316 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.
11. Супрунчук И.П. Пространственно-временной анализ террористической деятельности на Северном Кавказе // Наука. Инновации. Технологии. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2014. №3. С. 85–98.
12. Гацоева Н. Героин нашего времени // Северная Осетия, № 36, 3.03.2016. С. 4.

References

1. Badov A.D. Geografija narkoprestupnosti v Rossii (The geography of drug crime in Russia) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija. №3. 2008. M.: MGU, 2008. P. 55–59.
2. Badov A.D. Geografija prestupnosti v Rossii v postsovetskij period: Monografija (Crime geography in Russia in the post-Soviet period). Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2009. 333 p.
3. Badov A.D., Makoev H.H. Regional'nye osobennosti prestupnosti na Severnom Kavkaze v postsovetskij period (Regional features of

- crime in the North Caucasus in the post-Soviet period) //Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva. Tom 141. Vyp. 3. S.-Pb: Nauka, 2009. P. 70–76.
4. Badov A.D., Makoev H.H. Urbanizacija i problemy prestupnosti (Urbanization and Crime Problems) //Jekologija urbanizirovannyh territorij. №4. 2008. M.: Kamerton. P. 26–29.
 5. Badov A.D. Geografija prestupnosti v Rossii: izmenenija za postsovetskij period (Crime Geography in Russia: Changes in the Post-Soviet Period) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija. №2. 2009. M.: MGU. P. 64–69.
 6. Badov A.D. Geokriminogennoe polozhenie kak faktor prestupnosti (Geocriminogenic situation as a factor of crime) // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. №2. 2009. M.: Nauka. P. 48–51.
 7. Belozеров V.S., Chihichin V.V., Glushhenko I.V. Regional'nye osobennosti jetnicheskikh migracij na Severnom Kavkaze (Regional features of ethnic migration in the North Caucasus) // Nauka. Innovacii. Tehnologii. Stavropol': SKFU. 2016. №1. P. 71–92.
 8. Kutashov V.A., Saharov I.E. Narkologija. Klinika. Diagnostika. Lechenie. (Narcology. Clinic. Diagnostics. Treatment). Voronezh: VGMU. 2016. 982 p.
 9. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. (Crime of the twentieth century. World, regional and Russian trends) M.: Norma, 199. 316 p.
 10. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli.(Regions of Russia. Socio-economic indicators) 2015: Stat. sb. Rosstat. M., 2015. 1266 p.
 11. Suprunchuk I.P. Prostranstvenno-vremennoj analiz terroristicheskoj dejatel'nosti na Severnom Kavkaze (Spatio-temporal analysis of terrorist activities in the North Caucasus) // Nauka. Innovacii. Tehnologii. Stavropol': Izd-vo SKFU. 2014. №3. P. 85–98.
 12. Gacoeva N. Geroin nashego vremeni (Heroin of our time) // Severnaja Osetija, № 36, 3.03.2016. P. 4.